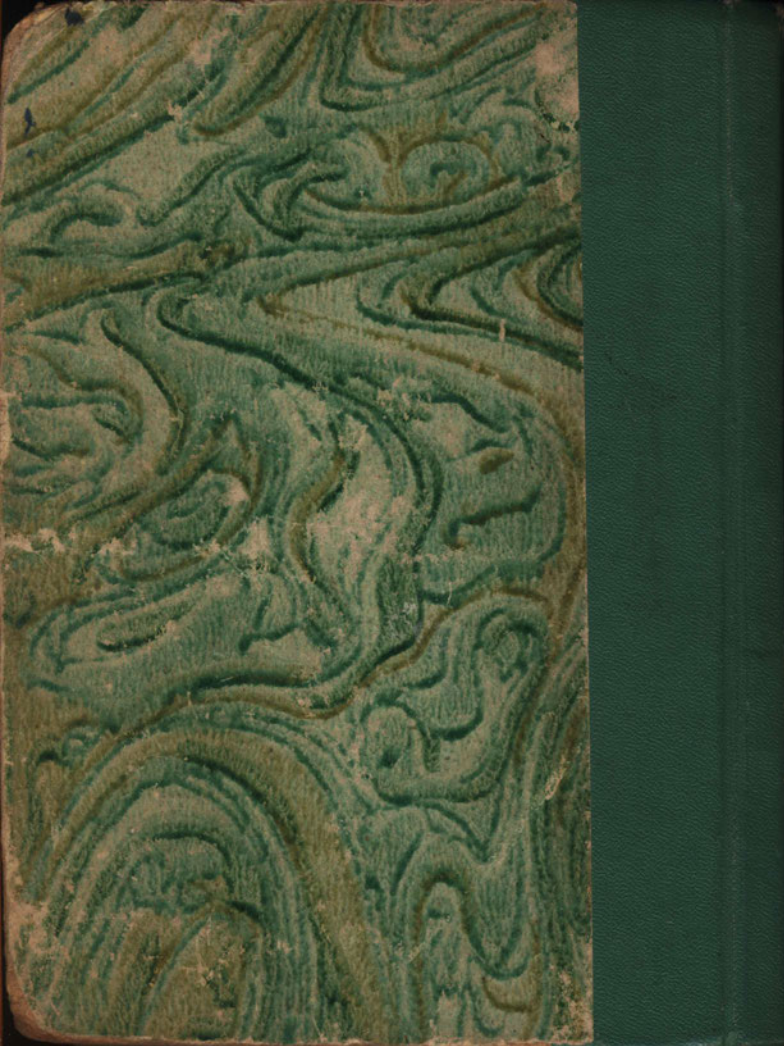

Л. ПОДВОЙСКИЙ

ПИОНЕРСКИЕ БЫЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МОСКВА • 1972

A decorative laurel wreath, composed of two branches of leaves. The upper branch features smooth-edged leaves, while the lower branch has leaves with wavy, serrated edges. The wreath is positioned on the right side of the page, curving around the text.

Л. ПОДВОЙСКИЙ

ПИОНЕРСКИЕ БЫЛИ

ЗКЮП1

П44

Оформление А. Ременника

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Перед вами книга Льва Подвойского «Пионерские были». В ней вы прочтаете невыдуманную правду, интересную правду о первых пионерах первых лет революции. Пионерские отряды только начинали тогда создаваться. Да и вся наша советская жизнь только начиналась. Начиналась нелегко, в борьбе с врагами — буржуями, в борьбе с разрухой и голодом.

Смело и гордо коммунисты и комсомольцы, Красная Армия и весь советский народ защищали революцию! Защитили. И стали строить новую жизнь.

А помогали им в этом и пионеры — помощники старших братьев своих и сестер.

Вот и автор этой книги Лев Николаевич Подвойский был в ту пору пионером. Он хорошо помнит тогдашнюю пионерскую жизнь.

Лев Николаевич родился и вырос в семье выдающихся революционеров. Отец его, Николай Ильич Подвойский, смолodu вступил в Коммунистическую партию и все силы и сердце отдал делу освобождения рабочего класса и строительству нового, советского общества. Ленин знал его и любил. Когда подготавливалась Октябрьская революция, Подвойского по совету Ленина назначили председателем Военно-революционного комитета. В ночь на 26 октября 1917 года это он, Николай Ильич Подвойский, повел красногвардейцев и матросов на штурм Зимнего дворца.

— Зимний взят! — к утру доложил Владимиру Ильичу Ленину Николай Ильич Подвойский, бесстрашный революционер и боец с пылким сердцем.

Его жена Нина Августовна была такой же неустрашимой и горячей революционеркой.

«Перед тобой я постоянно стою так, будто смотрю высоко, высоко на греющее солнце», — нежно писал Подвойский любимой жене, матери четверых детей.

Незадолго до смерти отца родители подарили детям свой общий снимок и написали на нем:

Дети! Всю сознательную жизнь мы стремились всеми силами служить своему народу, честным трудом и революционной борьбой оправдать высокое звание членов партии... Мы были счастливы. Идите этим верным путем Ленина, где найдете силу, радость, счастье.

Мама. Папа.

Такой высокий завет оставили детям коммунисты Подвойские, мать и отец, — идти путем Ленина!

Книга «Пионерские были» рассказывает, как шли путем Ленина с первых шагов пионеры Советской страны.

Дорогие читатели! Может быть, вы и не подозреваете, что пятьде-

сят лет назад не все ребята были пионерами, а только самые смелые, самые верные делу Ленина.

В то время были еще и кулаки, торгаши-лавочники, спекулянты и другие чуждые Советской власти люди. Они ненавидели Советскую власть. И сынки лавочников и спекулянтов ненавидели Советскую власть. Как увидят пионерский галстук — так пионера бить. Втихомолку, конечно: подстерегут где-нибудь в безлюдном переулке и бьют — так всегда поступают трусы и хулиганы. Однажды на Леву Подвойского и его товарища Женьку напала ватага хулиганов, чтобы сорвать с них пионерские галстуки. Пионеры защищались отчаянно. Но силы были неравны. Тогда — и это нельзя читать без волнения — Женька крикнул звенящим голосом: «Ребята, у кого отец и мать коммунисты, у кого брат комсомолец, на помощь!»

Прибежали комсомольцы, учителя — защитили от хулиганов пионерские галстуки. Это не простая была драка, а настоящая классовая борьба. Об этом написано в рассказе «Не тронь — огонь!».

Из рассказов Льва Подвойского вы узнаете, какой была Москва в то далекое время. Писатель рассказывает, как приехал однажды к пионерам Михаил Иванович Калинин. Любил он ребят, интересовался работой и жизнью отряда. Потолковали, обсудили дела, и ученье, и игры. И Михаил Иванович посоветовал ребятам вести летопись Москвы. Что изменяется в городе, как? Какие и где растут фабрики, новые школы, дома, целые улицы?..

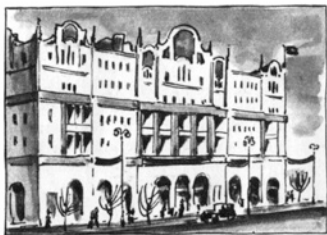
С охотой взяли пионеры за дело. И так любопытно им было подмечать изменения Москвы и подробно записывать! А читать об этом как любопытно!

Вы узнаете из книги «Пионерские были» о первом пионерском параде на Красной площади. О том, как руководители партии, видные коммунисты и прославленные командиры Красной Армии принимали парад. Как народный комиссар Михаил Васильевич Фрунзе дал на лето пионерскому лагерю двух коней «на поправку». Пионеры учились ухаживать за конями, холили их и вернули Красной Армии гладкими и резвыми.

Лев Подвойский вспоминает, что в его школе в 1922 году было всего двенадцать пионеров. А через семь лет в Москву на Первый Всесоюзный пионерский слет съехалось уже шесть тысяч делегатов — целая пионерская армия. А сейчас почти все ребята — пионеры, и если кликнуть клич, чтобы услышали во всех отрядах нашей большой Родины: «К борьбе за дело Ленина будьте готовы!» — миллионы звонких пионерских голосов отзовутся: «Всегда готовы!»

Обо всем этом правдиво и просто рассказывает интересная книга Льва Подвойского «Пионерские были».

Мария Прилежаева

„ДЕТЕЙ НАДО ВПЕРЕДИ“

Шел 1920 год. Наши отцы еще сражались с белогвардейцами на фронтах гражданской войны. Заводы и фабрики стояли разрушенные. Пустовали школы. Но в этом году они должны были открыться. Многие ребята впервые после революции собирались поступить в первый класс. Кто восьми, девяти, а некоторые мои приятели даже двенадцати лет от роду.

А пока мы ходили в детский клуб. Он помещался во Втором доме Советов — так тогда называлась московская гостиница «Метрополь».

Все мальчишки и девчонки, приходившие в клуб, были за Советскую власть, против буржуев, белогвардейцев, спекулянтов-мешочников. Самой обидной кличкой считалась «недорезанный барчук». Уважали у нас мозоли на ладонях и твердые мускулы. Дрались мы, пожалуй, даже чаще, чем ребята теперь. А в остальном были похожи на сегодняшних: такие же жизнерадостные и озорные мальчишки, только одеты похуже и очень голодные. И, кажется, больше, чем ребята сейчас, мы интересовались тогда политикой. Наши родители делали революцию, а мы старались быть рядом с ними.

Как все дети, мы, конечно, любили и прихвастнуть.

— У меня папаня в Конармии Буденного, беяков рубит почем зря! — хвастал один.

— Мой в Петрограде Зимний брал, ей-богу, не вру! — заявлял другой.

— Наша мамка в Совнаркоме у Ленина в курьерах хо-

дит. «Ой, говорит, какой душевный человек!» — делилась толстая, розовощекая, несмотря на голодное время, девочка, по прозвищу Муха.

Я не помню, чтобы кто-нибудь в клубе хвастал высокими постами своих родителей. Ходили к нам и дети, живущие в Кремле. В детстве я дружил с их вожаком, неизменным атаманом в игре «казаки-разбойники» Адькой Свердловым, чуть флегматичным добряком Ясином Дзержинским, крепким, как дубок, Шурой Калининым.

Но лучшим моим другом был сын кочегара, долговязый Женька Трусевич.

Трудно и голодно жилось в Москве во время войны.

По булыжным мостовым в сопровождении босоногих мальчишек гулко маршировали красноармейцы в буденовках.

Красные полки, уходившие на фронт, часто провожал Ленин. Мне и моим друзьям страшно хотелось попасть на такой митинг, где бы выступал Ильич, а все как-то не удавалось.

Но однажды нам повезло. Накануне Первого мая наша руководительница Людмила Евгеньевна — строгая худая женщина в пенсне на черном шнурке — предупредила:

— Завтра, дети, клуб будет открыт весь день с утра, потому что все взрослые пойдут работать на Первомайский воскресник!

— А товарищ Ленин тоже будет работать? — спросил Женька. Он всегда выскакивал вперед с неожиданными вопросами.

— Не знаю, что тебе ответить, — сказала Людмила Евгеньевна. — Владимир Ильич Ульянов-Ленин как Председатель Совнаркома очень занят. Он и так работает днем и ночью и все праздники тоже.

Утром, когда мы с Женькой шли в клуб, город выглядел празднично. Развевались красные флаги. Между домами висели кумачовые полотнища с лозунгами: «Да здравствует 1 Мая», «Утопить белого барона Врангеля в Черном море».

В. И. Ленин на Красной площади 1 Мая 1919 года.

Улицы столицы были пустынные. Не собирались демонстранты, не играли оркестры. Взрослые работали на воскреснике.

— Товарищ Ленин тоже работает. Он с кремлевскими курсантами бревна таскает! — сообщил запыхавшийся Адька.

Мы с Женькой хотели бежать в Кремль посмотреть, как работает на воскреснике Ленин.

— Вас туда не пустят, дети, — сказала строгим голосом Людмила Евгеньевна. — Кремль охраняют часовые. Собирайтесь-ка лучше на прогулку!

Мы построились парами и пошли в сквер, что напротив Большого театра. Впереди, не сгибая спины, шагала наша строгая руководительница.

Весеннее солнышко грело, как летом. Между булыжниками на мостовой пробивалась молодая травка. На кустарнике набухли почки. Вот-вот из них, как цыплята из яичек, проклюнутся липкие листочки.

— Айда фиалки у фонтана искать! — крикнул Женька и осекся.

Неподалеку от заброшенного в войну фонтана собирался митинг. Стояли люди в шинелях, в рабочих блузах, в гимнастерках.

— Дяденька, тут на фронт провожать будут? — настоялся Женька.

Рядом с ним молча пыхтела, стараясь протиснуться между взрослыми, Муха. Остальные ребята тоже нажимали изо всех сил. Откуда ни возьмись, появился высокий дядька в военном френче, с наганом на боку.

— Брысь, мелкота! — закричал он.

Мы испугались.

Но тут подъехал автомобиль. Из него вышел Ленин. Улыбающийся, с красным бантом на груди. Он услышал, как военный гонит нас прочь, и неожиданно заступился.

— Детей надо пустить вперед. Обязательно вперед, и только вперед! — сказал Владимир Ильич.

При такой поддержке нам никакой дяденька с наганом не страшен! Мы прошли вслед за Лениным и встали впереди взрослых, ближе всех к Владимиру Ильичу.

В этот день закладывался памятник Карлу Марксу. Ленин говорил речь. Потом он расписался на металлической пластинке. Мы смотрели во все глаза. Женька даже покраснел от внимания. Пластинку с подписью Ленина положили в углубление. Владимиру Ильичу дали в руки мастерок. Он должен был первым начать работу на месте будущего памятника.

Владимир Ильич присел на корточки и быстро положил раствор...

— Ловко! — в восторге зашептал мне на ухо Женька. — Будто настоящий каменщик.

Наверное, он проговорил это довольно громко, Людмила Евгеньевна слышала.

— Наблюдайте, дети, и учитесь, пожалуйста, делать все так же хорошо и аккуратно, как Владимир Ильич, — сказала она.

Людмила Евгеньевна говорила всем, но обращалась она, конечно, в первую очередь, к моему нетерпеливому и поэтому не всегда аккуратному другу.

А кругом уже громко, восторженно приветствовали Ленина. Он торопился уезжать. Его не хотели отпускать. Владимир Ильич улыбался, приветственно махал рукой с зажатой в ней кепкой, смущенно показывал на часы, вынимая их из жилетного кармашка.

— Товарищу Ленину надо ехать на другой митинг. Его ждут, — раздался чей-то густой бас, очевидно военного командира.

Ильич уехал.

...Мне не терпелось рассказать дома о событиях этого дня. И я еле дождался мамы. Ее, как и папу, называли старой гвардией большевиков. Она сидела в царских тюрьмах и два раза участвовала в голодовках. Один раз голодала 13, а другой — целых 18 дней. Нас в семье было пятеро детей. Один другого меньше, а мама все время работала. Приходя домой, она еще долго возилась с домашними делами: мыла полы, стирала. И нас приучала делать все по дому.

— Владимир Ильич Ленин терпеть не может неопрятности. Он живет скромно, одевается просто, но все у него чисто и аккуратно, — не раз напоминала нам мама.

Вот и теперь, едва увидев маму, я выпалил:

— Видел! Я сегодня видел, как аккуратно работает Ленин!

Мама улыбнулась, но тут же недовольно осмотрела нашу единственную комнату.

В ней было все перевернуто вверх дном.

— Мы играем в Совнарком! — поспешил сообщить я.

Это была наша любимая игра. Мы часто слышали дома имена народных комиссаров.

— Все наркомы по поручению Ленина должны в первую очередь заботиться о детях, — рассказывала накануне мама. — Вот и папу Ленин и Дзержинский отозвали с фронта и поручили ему наладить работу с детьми.

После разговора с мамой я созвал экстренное заседание «Совнаркома». Мои младшие сестры были наркомами, а я выбрал себе должность управляющего делами, чтобы ходить с портфелем под мышкой, как настоящий ответственный работник.

— Товарищи! — докладывал я. — В текущий момент, значит, вопрос стоит ребром, значит: что ты сделал для фронта? Детей надо вперед, обязательно вперед! Мама, то есть женотдел, значит, сказала, что наркомы повернулись лицом к детям... Мы должны...

Так как я не знал, что мы должны делать для революции в детском вопросе, то предложил принять декрет об организации Красной Армии, которая разгромит гидру империализма — белую Антанту.

— Слово имеет наркомпрод, — громко объявил я и тихо добавил. — Нинка, говори.

Четырехлетняя сестра забралась на стол и, назло мне показав кончик языка, быстро затараторила:

Щи да каша — пища наша!
Щи да каша — пища наша!

Я чуть не заплакал. Ну как можно делать серьезные дела с такой мелюзгой? На этот раз я даже маме пожаловался.

— Не огорчайся, Лева,— погладила она меня по голове.— Будет и у вас своя детская организация, будут дворцы для детей. Все будет. Пусть только кончится война.

Через два с половиной года я вступил в один из первых пионерских отрядов Москвы. Долгое время нас в школе было только три пионера. Мы мужественно защищали свои красные галстуки от нападения хулиганов — детей нэпманов и спекулянтов с Арбатского рынка. В отряды к нам приезжали старые большевики; мы их тоже принимали в пионеры.

Одним из первых почетных пионеров стал Ф. Э. Дзержинский. Его приняли в пионеры в школе, где учился его сын Ясик.

Когда Феликсу Эдмундовичу повязали красный галстук и показали наше пионерское приветствие — салют, Дзержинский, высокий, прямой, как меч, с острой, словно наконечник пики, бородкой, поднял руку выше головы и твердо произнес:

— Стоять за дело рабочего класса всегда был готов!

Он подарил отряду настоящий футбольный мяч — мечту всех мальчишек того времени.

НЕ ТРОНЬ — ОГОНЫ

Это было в Москве осенью 1922 года. В то время только создавались первые пионерские отряды. Пионеров было еще очень мало. Когда мне и моему другу Жене Трусевичу встречался мальчик или девочка в красном галстуке, мы провожали их долгим и, по правде сказать, завистливым взглядом. Но как вступить в пионеры — этого мы не знали. Пионерские отряды организовывались тогда не при школах, а на предприятиях.

Долго мы думали с Женей, наконец решили: комсомольцы обязательно помогут. И отправились в райком комсомола.

С нами разговаривал сам секретарь. Расспросив, кто мы, из какой школы, он взял бумажку и стал писать.

— Вот, — сказал секретарь, — эту записку отнесете в отряд при Реввоенсовете республики и отдадите вожатому. Адрес тут написан. Желаю успеха, товарищи!

Мы возвращались, ног под собой не чуя от радости. По дороге раз десять останавливались, чтобы еще раз посмотреть на записку и прочитать адрес. Совсем рядом со школой, на той же улице!

Через час с небольшим мы с Женькой уже взбирались на второй этаж дома, который был указан в записке. Вошли в клуб и, не отдышавшись от подъема по крутой лестнице, сразу приступили к делу.

— Где вожатый? — спросили мы в один голос.

— Здесь вожатый! — обернулся к нам паренек лет семнадцати с белыми как лен волосами и такими же белыми

бровями, отчего его загорелое лицо было похоже на негатив.

Мы молча протянули записку.

— Так...— сказал вожатый, быстро пробежав ее глазами.— Значит, хотите быть пионерами?

Он обернулся к ребятам, которые с явным интересом слушали наш короткий разговор:

— Ребята! Готовить новичков к вступлению в пионеры поручаю звену «Парижская коммуна».

Окруженные пионерами, мы начали знакомиться. Вдруг дверь широко распахнулась и вошел еще один мальчик.

— Андрей,— закричали ребята,— ты что же опаздываешь? Живей иди, у нас новенькие!

Мальчик шагнул к нам и застыл от удивления. Мы с Женской тоже...

— Знакомьтесь, чего смотрите!

— Да мы знакомы...— смущенно пробормотал мальчик.

— Еще бы, это же Андрей Балла!— сказал Женя.— Ведь он с нами в одном классе! За соседними партами сидим... Эх ты! Мы даже в райком ходили, чтобы узнать, где отряд, а ты не мог сказать?

— А я почему знал, что вы хотите в пионеры! Разные бывают люди, не всем говорить приходится!— сердито и смущенно ответил коренастый, плотный Андрей.

Андрей был очень рад, что теперь в школе есть еще пионеры. Мы стали неразлучны.

И вот пришел день, когда наконец нам с Женей торжественно повязали красные галстуки. Это происходило под развернутым знаменем, перед всем отрядом, построенным в каре. В то время строились не в линейку, а в каре— четырехугольником.

— Почему ты галстук не носишь в школе, а надеваешь, только когда идешь в отряд?— спросил я Андрея, возвращаясь домой.

— Боюсь...— откровенно признался Андрей.— Наша школа где находится? Около Арбатского рынка. Тут кругом сынки лавочников, да спекулянтов, да прочего чуж-

дого элемента. Как увидят галстук, так обязательно бить будут. Думаешь, я не пробовал? У меня бока не железные... И чтобы каждый раз галстук отнимали!

— Вот еще! — фыркнул я. — Что это, старый режим, что ли? Как это нас в нашей же, советской школе осмелятся бить?!

— А так и осмелятся! Уж я-то знаю!.. — усмехнулся Андрей, и мне сразу вспомнились синяки и шишки, о происхождении которых Андрей упорно не говорил в классе.

— Ну и пусть бьют! Пионер не должен трусить! — решительно сказал Женька Трусевич, фамилия которого несколько не соответствовала его пылкому и воинственному характеру.

Мы с Женей предложили: всем троим прийти завтра в школу в красных галстуках.

— Все равно две трети за это, а ты, Андрей, — только одна треть, меньшинство. Должен подчиниться.

— Ясно, подчинюсь, — буркнул Андрей. — А только... Эх и вмажут же нам! Давайте хоть вместе пойдем.

...Хмурое осеннее утро. Северный ветер гонит хлопья мокрого снега. Прохожие ежатся и поднимают воротники. А мы трое гордо шагаем в пальто нараспашку. Язычками горячего пламени алеют наши пионерские галстуки.

Во дворе школы нас окружили толпой ребята из разных классов.

— Это пионерские галстуки? Да. А вас когда приняли? Трудно стать пионером? Где находится отряд? — посыпались вопросы.

Ободренный дружелюбной встречей и отнюдь не враждебным интересом к нашим галстукам, я торжествующе посмотрел на Андрея. Но его взгляд ответил мне: «Посмотришь!..»

Вдруг стало тихо. Толпа школьников расступилась. Мы оглянулись и невольно придвинулись друг к другу. Прямо на нас шел Васька Подметкин, по прозвищу «Щербатый», гроза Арбата. За ним шли другие ребята из его ватаги. Подойдя вплотную, он медленно оглядел нас и вдруг быстрым движением схватил концы Жениного галстука.

Торжественное обещание пионера в двадцатые годы.

— Не трожь грязной лапой красный галстук! — глухо и с угрозой сказал Женя.

Подметкин сплюнул через выбитый зуб и рывком потянул Женю к себе. У меня в глазах потемнело. Как же это! Только вчера старый большевик, командир Красной Армии, надел нам пионерские галстуки и сказал, что они — частица красного революционного знамени и что мы должны беречь их, как бойцы берегут знамя. Не помня себя от гнева, я изо всех сил толкнул Щербатого в грудь. От неожиданности он потерял равновесие и упал, выпустив Женьку.

— Айда в школу, бегом! — шепнул Андрей.

Но поздно. Нас окружили...

— Бей пионеров! Срывай галстуки! — командовал Щербатый своей ватаге.

Мы отчаянно защищались. Но силы были неравные. Вот уже хулиганы крепко держат нас за руки. Еще немного — и красные галстуки будут сорваны, брошены в грязь... А поодаль в молчании стоят школьники. Многие из них сочувствуют нам, но боятся и поэтому «соблюдают нейтралитет».

— Ребята, у кого отец и мать коммунисты, у кого брат комсомолец, на помощь! — звенящим голосом крикнул вдруг Женька.

Толпа школьников дрогнула. Из нее шагнули ребята и двинулись к нам.

Хулиганы остановились. А из школы уже выбежали комсомольцы, и впереди них, на ходу затягивая красноармейскую шинель, Павел Иванович, учитель обществоведения, — коммунист, участник гражданской войны. Шайка Щербатого бросилась врассыпную.

— Ну как, смена, приняли боевое крещение? — спросил Павел Иванович с ободряющей улыбкой.

— Галстуки они у нас не сорвали и не сорвут никогда! — с достоинством заявил Женька, вытирая рукой капавшую из носа кровь.

На лбу у Андрея вздулась большая шишка; у меня была разбита губа.

— Опять мальчишки затеяли драку! — поджав губы, процедила сухопарая учительница немецкого языка, бывшая раньше гувернанткой у каких-то богатых детей.

— Нет, Люция Карловна, тут дело посерьезней: это классовая борьба, — сказал Павел Иванович.

Его слова наполнили нас гордостью: значит, мы сейчас поступили правильно. Врагов еще много кругом. Враги притаились, они редко действуют в открытую, их не всегда легко распознать... А мы приняли бой с врагом.

Когда наша тройка шла по коридору в умывальник, мы слышали, как ребята говорили нам вслед:

— Пионеры-то наши ничего, смелые!

— Им нельзя трусить. Они на коммунистов учатся...

В умывальнике Женька, склонный произносить торжественные речи, сказал:

— Значит, не даром мы кровь пролили, товарищи! Слышите, что ребята говорят?!

...С Васькой Щербатым и другими арбатскими хулиганами, которых науськивали на пионеров представители «старого мира», нам пришлось сталкиваться еще не раз. Но чем дальше, тем сильнее мы становились. При фабриках и заводах рождались все новые и новые отряды. К концу учебного года в нашей школе было двенадцать пионеров. По тому времени число не малое!

Был организован форпост. Форпост — это боевой пост на передовой линии. Пионеры форпоста старались во всем помогать комсомольцам школы, учителям-коммунистам, привлекать новых ребят в пионерские отряды.

Уже был открыт районный Дом пионеров, и мы ходили туда работать в мастерские, потому что каждому пионеру полагалось овладеть различными ремеслами. Звено «Парижская коммуна» трудилось поочередно в четырех мастерских: в сапожной, швейной, переплетной, столярной.

Всеми силами стремились мы помочь нашей молодой Советской стране. Обучали неграмотных: тогда их было еще много среди взрослых. В Поволжье после страшной засухи голод косил людей, и мы ходили по улицам с кружками «Помгола» — Комитета помощи голодающим. И нередко бывало, что румяная и толстая дама злобно шипела: «Нет для вас ничего!» — а рабочий в старенькой кепке и кожанке выворачивал промасленными руками свои карманы, выгребая оттуда всю мелочь.

— Дяденька, у вас на трамвай не останется, — беспокоились мы.

— Ничего, ребята, пешком дойду!

МОСКВА ШОКОЛАДНАЯ

Зимой 1923 года к нам в пионерский отряд неожидан-но приехал Михаил Иванович Калинин. В это время мы занимались в своем уголке. У нас их было три — по числу звеньев. Дежурный хотел сыграть «общее построение», но Михаил Иванович не позволил. Он велел всем продолжать свои дела и стал обходить звенья: сначала — звено «Октябрьская революция», потом — звено «Красная Армия» и, наконец, наше, «Парижская коммуна». Спросил: как учимся, не обижаем ли девочек, чем занимаемся на сборах? Поинтересовался звеньевым дневником. Не без гордости протянули мы ему толстую клеенчатую тетрадь, в которой было написано все, что мы узнали о Парижской коммуне, о ее героях, о далеком городе Париже. Перелистывая тетрадь, Михаил Иванович лукаво поглядел на нас и, поглаживая бородку, сказал:

— Парижская коммуна — это хорошо. Про это надо знать. Тут у вас о Париже много записано. Ну, а свой город, Москву, вы хорошо знаете?

— Знаем! Знаем! — закричали мы.

— А какая в Москве главная промышленность?

Воцарилось неловкое молчание. Наконец долговязый Женя Трусевич неуверенно произнес:

— Кажется, шоколадная...

Раздался дружный хохот. Михаил Иванович тоже смеялся до слез. А потом стал журить нас:

— В экскурсии часто ходите. Говорите, что ночью можете по звездам дорогу найти. В пути ни одного дорожного

знака не пропустите, а Москву не замечаете. Родной город надо знать хорошо! Пока вы подрастаете, совсем другой станет наша столица. На моих глазах в городах вместо конки трамвай пошел и автомобили появились. А на ваших глазах сколько всего появится! Будут вас много лет спустя спрашивать: «Какая раньше Москва была?» А вы вдруг скажете: «Шоколадная!» Глаза у вас молодые, острые, вы бы смотрели повнимательней вокруг и, что увидите, в свой дневник записывали. Как в старину грамотные люди летопись вели. Эти пионерские летописи вам потом самим будет любопытно прочесть, а следующие поколения большое спасибо за них скажут.

И вот с тех пор мы начали вести «Летопись родного города»: ходили на экскурсии, читали газеты, расспрашивали родителей и знакомых и все, что видели и слышали, записывали в дневник.

Мы узнали, что больше всего в Москве не шоколадных, а текстильных фабрик и что в столице один металлургический завод, бывший Гужона,— «Серп и молот». Недаром в то время говорили: «Москва ситцевая».

Город мы изучали разными способами и проявляли в этом деле большую изобретательность.

— Давайте узнаем, какое сейчас движение в Москве! — предложил однажды Андрей Балла, который стал нашим звеньевым.

Всем звеном мы вышли на Арбатскую площадь и встали наблюдателями на перекрестках. К вечеру в дневнике появилась новая запись: «В 4 часа дня 20 марта 1924 года через Арбатскую площадь за 10 минут прошло: 3 автомобиля, из них один легковой, 5 трамваев, 8 подвод и 22 извозчика».

Эта запись отошла в историю раньше, чем мы вышли из пионерского возраста. На наших глазах движение в Москве делалось все оживленнее и транспорт менялся. Осенью 1924 года по московским улицам пошли первые автобусы. Автомобилей становилось все больше, а извозчиков — все меньше. На Красной площади у Лобного места стал первый милиционер-регулирующий в белых перчатках. Смотреть, как он четко регулирует движение транспорта полосатым жезлом, собиралась толпа Москвичей.

Почетный пионер — «всесоюзный староста» М. И. Калинин.

Менялось не только движение — менялся город. Дневник нашего звена повествует, как газовые и керосиновые уличные фонари сменили электрические, как в Москве в двадцатых годах появились первые асфальтированные улицы вместо мощенных булыжниками, как к десятилетию Октября около Арбатской площади был выстроен первый советский семиэтажный дом для треста Моссельпром, тот самый, о котором Маяковский написал рекламу: «Нет нигде кроме — как в Моссельпроме».

Странно теперь читать в звеньевом дневнике о том, что летом, пока не закрывали Бабьегородскую плотину, Моск-

ву-реку около Ленинских гор можно было переходить вброд и что большинство домов столицы были деревянные. Недаром еще бытовала старая поговорка: «Москва от копеечной свечи сгорит».

В январе 1925 года наше звено отправилось в однодневный поход вокруг Москвы по черте города. Часть пути мы прошли на лыжах, часть проехали на трамвае, на поезде окружной железной дороги. Весь маршрут оказался длиной не больше 60 километров.

Мы давно уже стали взрослыми. Но быстрее нас выросла наша красавица Москва.

Когда я двадцать пять лет спустя рассказывал своей дочке пионерке Марине, что Дом Союзов был самым высоким зданием в Охотном ряду, а на месте гостиницы «Москва» стояли приземистые домишки, где лавочники-нэпманы торговали дичью и белый пух летел летом, как снег зимой, она говорила мне: «Ну уж это ты, папка, сочинишь!»

Для нее, как и для всех ее сверстников, было удивительно, что, когда мы были пионерами, в Москве еще не начинали строить метро и не было радио в квартирах, а самый высокий московский дом был в десять этажей. Маринка никогда не видела ни керосиновых фонарей, ни зажигающего их по вечерам фонарщика с лестницей. Она не видела и извозчиков, разве что в книге на картинке...

Когда в двадцать пятом году мы объезжали вокруг Москвы, наш путь проходил главным образом по пустырям и деревянным окраинам столицы. А теперь за чертой нашего маршрута остались бы такие новые районы Москвы, как Черемушки, Юго-Запад, Лужники...

Но разве строится одна Москва?

Несколько лет назад я был в районе металлургов города Челябинска. Здесь каждые 45 дней заселяется новый многоэтажный дом. Мне пришлось видеть, как фашисты дотла разрушили и сожгли Сталинград. Какой чудесный, новый Волгоград теперь протянулся вдоль Волги почти на восемьдесят километров от Волжской ГЭС за канал Волго-Дон!

О том, как меняется жизнь кругом, о пионерских делах разных лет — вот о чем советовал писать нам в дневниках Михаил Иванович Калинин.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

23 мая 1924 года мы с отцом собирались идти на Красную площадь вместе.

Старая ленинская гвардия — делегаты XIII съезда партии принимали у нас, пионеров, торжественное обещание.

Отец направлялся на Красную площадь как делегат XIII съезда, а я должен быть там в строю 15-го отряда Хамовнического района.

В приподнятом настроении вышел я из дому. Яркий солнечный день был по-летнему жаркий. От клуба, где занимался наш пионерский отряд, до площади мы шли в строю. Мостовые в Москве были тогда булыжные. Автомобилей встречалось мало, зато ломовых и легковых извозчиков хоть отбавляй. От барабанной дробы, звуков горна, громких пионерских песен лошади испуганно шарахались...

С гордостью шли мы на свой парад. Еще бы: он будет на Красной площади! Там, где в 1917 году красногвардейцы, обвитые пулеметными лентами, штурмовали ворота Кремля, выбивая юнкеров! Там, где совсем недавно, 1 Мая, железной поступью проходили полки Красной Армии, а в январе в жестокий мороз траурные колонны людей со скорбным молчанием провожали в последний путь родного Ленина!

Теперь против деревянного Мавзолея собрались все пионеры Москвы, около 10 тысяч человек.

— Как нас много! Точно море, — говорят ребята, оглядываясь вокруг.

С деревянных трибун, расположенных около Мавзолея, на нас смотрели делегаты партийного съезда.

Ждали президиум съезда.

— Идут! — точно ветер в камышах, зашелестело от края до края площади.

Из Спасских ворот Кремля вышла группа людей. Их знали все пионеры Москвы. Они приезжали к нам на сборы отрядов, в школы. Мы видели их на площади во время парадов, на митингах.

— Дзержинский, Калинин... — от пионера к пионеру бежал шепот по рядам.

Хотелось рассмотреть всех. Невольно мы поворачивали головы, когда мимо нас проходили руководители партии.

Вот прошли в военной форме, с ромбами на рукавах, три командарма гражданской войны: М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный... Я узнал еще Е. М. Ярославского, Н. К. Крупскую, М. И. Ульянову...

Пионеры на параде на Красной площади.

— Смирно! — звучит команда.

Мы все застыли на месте. Ни один пионер не шелухнется в строю. Над нами горячее, палящее солнце. Мы стоим смотрим вперед и слушаем, как с Мавзолея старейший революционер Феликс Кон произносит слова торжественного обещания. Мы повторяем их, а у кремлевской стены и где-то в переулках откликается эхо.

Лица у ребят строгие, торжественные. Наверно, они так же, как и я, думали про себя: «Навсегда мы запомним этот парад. Нашей клятве мы будем верны всю жизнь!»

С трибуны Мавзолея старые большевики поздравляли нас с принятием торжественного обещания. И впервые обращались к нам уже как к юным ленинцам.

— Юные ленинцы! — говорили они. — Вы теперь носите славное имя нашего великого вождя и учителя. Вы должны расти и учиться по-ленински!.. К борьбе за рабочее дело будьте готовы!

И в ответ голоса нескольких тысяч пионеров, слившись вместе, прозвучали на всю площадь:

— Всегда готовы!

И тут раздались слова команды, совсем как на военном параде:

— К торжественному маршу... Поотрядно... Дистанция на одного линейного...

От района к району, от отряда к отряду передавались слова команды. Оркестры заиграли марш. Пионерские отряды торжественным строем прошли мимо Мавзолея, припуская знамена. Военные отдавали нам честь, старые большевики приветственно махали руками, провожая каждого пионера в большой и счастливый путь.

Закончился первый парад пионеров на Красной площади. Мы стали юными ленинцами. С тех пор при самых ответственных заявлениях пионер, поднимая руку на салют, торжественно произносит как клятву: «Честное ленинское!»

Через всю жизнь пронесли мы, первые пионеры, обещание Ленину на Красной площади — быть верным его заветам. Конечно, и у меня, как у других, были ошибки, о которых стыдно порой вспоминать, но клятву Ленину у Мавзолея — быть верными Родине — мы не забываем никогда.

СМЫЧКА С СОЛНЦЕМ

Вернулся я домой с первого пионерского парада на Красной площади обгорелый на солнце, красный, как мой пионерский галстук. Отец тоже был в пионерском галстуке: его избрали почетным пионером.

— Теперь ты должен интересы нашего отряда ставить выше всех своих дел, — сказал я отцу.

— Хорошо, постараюсь, — согласился отец и хитро усмехнулся в усы.

С тех пор отец стал интересоваться делами отряда. Он несколько раз приезжал в лагерь.

— Солнце — лучший пролетарский врач, — говорил он. — У городских ребят должна быть смычка с солнцем. Учти это в своей работе.

После его посещения наш вожатый Алеша долго ерошил свои белые, словно седые, волосы и говорил:

— Да, задача! Задал нам товарищ Подвойский задачу!

Наш отряд каждую неделю проводил сборы, разумеется, в помещении. Слушали политические доклады, обсуждали свои дела, играли и пели, занимались в кружках. Отец стал гнать нас из помещения на воздух. Однажды в воскресенье, в солнечный морозный зимний день, я отправлялся в пионерский клуб на очередной сбор.

— Передай вожатому Алексею, — сказал мне отец, — что в Александровском саду у кремлевской стены открылась детская лыжно-саночная станция.

Откровенно говоря, я ничего не сказал вожатому,

Народное гулянье на Ленинских горах летом 1924 года в честь Конгресса Коминтерна.

подумав: «Не пристало нам, занятым разбором международной политики, развлекаться детскими забавами».

Но во время доклада о международном положении на сбор явился военный посыльный в буденовке.

— Распишитесь в получении пакета,— сказал он вожатому официальным тоном.

Алеша вскрыл пакет.

Отряду № 15 Хамовнического района!

В такой солнечный день заседать в помещении преступно! Предлагаю немедленно прибыть в Александровский сад для катания на лыжах и санках.

Жду вас в саду 30 минут.

Н. Подвойский

— По одному на воздух бегом, марш! — приказал Алеша звонким, еще мальчишеским голосом.

Весело прошел сбор в Александровском саду. Все извальялись в снегу, как медвежата.

...Физическая закалка, полученная мною в отряде, очень пригодилась мне в жизни. В детстве я был хилым, много болел.

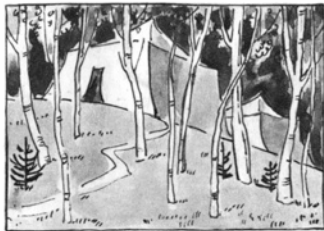
После института работал на металлургическом заводе «Серп и молот» у мартенов и прокатных станов. Пять лет воевал на фронте. Помню, как-то в Карпатах, где было особенно трудно, кадровый военный подполковник Крюков, с которым мы делили пополам все тяготы боевых походов, спросил меня:

— Скажи, майор, откуда у тебя такая закалка? Ведь до войны ты был сугубо штатским человеком?

Я с удовольствием ответил:

— Выучка у меня пионерская.

ПИОНЕРСКАЯ ТАЧАНКА

А случилось все это летом 1924 года, когда мы стали собираться в лагерь.

В лагерях пионеры всё делали сами: возили воду, кололи дрова, варили пищу, стирали белье, мыли полы... Время было трудное, страна оправлялась от разрухи, голода, гражданской войны; на все были нужны средства и рабочие руки. Некому было нас обслуживать, да мы и не нуждались в этом: работа нас не страшила — она для пионера всегда была делом чести. Но вот беда: дача, предоставленная лагерю, оказалась мала — всем не поместиться. Не было ни кухни в доме, ни колодца во дворе. Воду предстояло таскать издалека, и неизвестно было, как доставлять продукты из города.

У нашего отряда был шефом Реввоенсовет Республики.

Вожатый отряда, белобровый, похудевший Алеша, прямо из сил выбился. Он каждый день до хрипоты спорил с завхозом Реввоенсовета, человеком старого закала, который должен был уладить все наши хозяйственные дела.

— Ну, куда я ребят дену? Куда? — спрашивал у него Алеша, хватаясь за голову.

— Возьмите не всех — и делу конец, — отвечал невозмутимый завхоз.

— Что вы, как же можно! — возмущался Алеша. — Дайте же нам военную палатку, полевую кухню и лошадь, — умолял Алеша.

Но завхоз был непреклонен:

— Не могу. Казенное имущество. Только по разрешению товарища Фрунзе.

— Ну что же, мы пойдем и к товарищу Фрунзе! — сгоряча сказал Алеша.

Завхоз ничего не ответил, только пожал плечами: станет ли нарком Фрунзе разговаривать с пионерами и заниматься устройством их лагеря, отложив важные дела?

И вот не прошло и двух дней после этого горячего спора, как в школу к концу занятий прибежал красный и взволнованный Алеша:

— Собирайтесь! Идем к товарищу Фрунзе.

— Алеша! Прямо сейчас? Неужели правда? Ух, здорово!

— Скорей, скорей! — торопил он нас.

Часовые у входа в Реввоенсовет проверили наши пропуска, и мы затаив дыхание поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Алеша открыл высокую тяжелую дверь в приемную. На стульях сидело много военных в форме: на груди большие красные застёжки и шевроны — малиновые нашивки на левом рукаве. У многих командиров на этих нашивках мы сразу заметили ромбы — высшие знаки воинского различия.

— Тут до утра очереди не дожدهшься, — шепнул мне на ухо Женька.

— Пионеры, пройдите к наркому, — в ту же минуту, словно отвечая Женьке, сказал адъютант и распахнул перед нами дверь.

В большом кабинете из-за большого письменного стола поднялся нам навстречу невысокий широкоплечий военный. Ясные синие глаза, густые русые волосы над высоким лбом, светлые усы... Ордена Красного Знамени.

— Садитесь, товарищи пионеры, — сказал Фрунзе. — За руку по вашим обычаям здороваться не положено? Так ведь?

Мы сели тесно, в смущении стараясь занять как можно меньше места.

— Зачем пожаловали? — спросил Михаил Васильевич, помогая нам начать разговор.

— Мы к вам как к нашему шефу, — сказал Алеша.

Народный комиссар по военным делам, почетный пионер М. В. Фрунзе.

— Так. Понятно... Ну, что у вас произошло?

— Мы едем в лагерь,— сказал Алеша,— хотим себя обслуживать сами, как красноармейцы: обед варить, приборку делать...

— Отлично! Молодцы!— похвалил Михаил Васильевич.

Мы осмелели, стали с увлечением рассказывать о лагерной жизни, о наших затруднениях.

— Палатку бы нам военную,— сказал один из нас.

— Палатку дадим,— пообещал Михаил Васильевич.

— Продукты доставлять и воду возить не на чем,— вздохнул другой.

— Обед варить негде,— добавил третий.

— Короче говоря, чтобы вас не задерживать, просим полевую кухню — раз и коня с двуколкой — два,— подытожил решительно Коля Симакин.

— Надо подумать,— проговорил Михаил Васильевич и после недолгой паузы добавил: — Хорошо, товарищи пионеры, дам я вам двух коней на поправку. Только, чур, за ними ухаживать, как кавалеристы: сначала для коня, потом для себя.

— А кухню полевую... дадите? — спросил Витя Курносков.

— Ишь ты, шустрый какой! — засмеялся Фрунзе. — Ладно, и кухню вам дадим. Только...

— Будьте спокойны, товарищ народный комиссар, порядок у нас будет, как у ваших красноармейцев,— вытянувшись по-военному, сказал Андрей Балла. — Даем пионерское слово.

— Ну что ж! Коли так, значит, все в порядке. Пионерское слово надежное,— сказал Фрунзе. — До свидания, товарищи пионеры, желаю успехов!

Лицо его осветилось такой удивительно мягкой, хорошей улыбкой, что Витя Курносков не утерпел и сказал:

— Вот вы Перекоп брали, белых разбили и вообще герой, а оказывается, какой добрый!

— Не для всех я добрый... — сказал Фрунзе.

Не помня себя от радости, мы возвращались в свой пионерский клуб. Весь вечер, не уставая, перебирали мы в

Пионерский лагерь отряда Реввоенсовета М 15 Хамовнического района летом 1924 года.

наших разговорах каждую мелочь, каждую подробность этой встречи. Вспоминали и многозначительные прощальные слова наркомвоенмора.

— Ну, ясное дело,— решили ребята.— Он все-таки добрый. Заметили, как на нас смотрел?.. А что говорит — «не для всех добрый», так это он насчет врагов Советской власти...

Через месяц, в тот день, когда мы приехали в лагерь, к нашей даче подкатила тачанка с полевой кухней, запря-

женная парой гнедых коней. С тачанки лихо спрыгнул богатырь красноармеец в буденовке, с винтовкой за плечами.

— По приказу товарища Фрунзе прибыл в ваше распоряжение, товарищи пионеры! — отрапортовал он весело.

Наше «ура» было таким громогласным, что над соседней рощей в испуге поднялась большая стая галок. В одну секунду мы обступили красноармейца, тачанку, коней.

— «Сначала для коня, потом для себя...» — медленно сказал Женя Трусевич, повторяя слова наркома.

И кони с первого дня стали любимцами всего отряда: мы кормили, поили их, косили для них траву, ездили купать их в речке. Не спуская глаз, смотрели мы, как их чистит красноармеец, пока не научились этому делу сами.

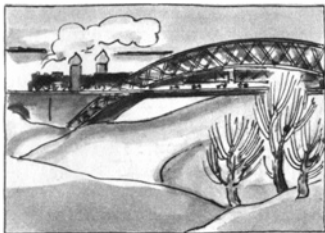
Нечего и говорить, что ухаживать за конями хотел каждый, хотели все сразу. Но для порядка и чтобы никто не был в обиде, это возложили на дежурное звено. Кони ходили у нас гладкие, блестящие, как атлас. К концу лета появилась даже опасность, что они разжиреют не в меру от любовного пионерского ухода; пришлось запрягать их почаще, гонять просто так, для «физкультуры», чтобы не потеряли резвости. И вот неслась по дорогам «наша гордость и краса, пионерская тачанка, все четыре колеса». А мы... мы в мечтах уже видели себя настоящими буденовцами и втихомолку вздыхали:

— Эх, посмотрел бы товарищ Фрунзе, какие кони!

— Посмотрит обязательно, не беспокойтесь, как осенью вернусь с ними в часть... — улыбаясь, говорил нам красноармеец.

— Вот хорошо-то! Значит, он будет знать, что мы сдержали слово...

Когда я уже не был пионером, многие отряды по совету С. М. Буденного начали готовить коней для Красной Армии. Они начинали их воспитывать с жеребят. Пионерских коней потом торжественно передавали в воинские части. Фотографии переданных лошадей печатались в журналах. И, не раз рассматривая гладких, красивых коней, я думал, что пионеры, как и мы когда-то, заботились о них по-кавалерийски. «Сначала для коня, потом для себя».

С НАМИ ИГРАЛ БУДЕННЫЙ

Пионеры двух районов Москвы — Замоскворецкого и Хамовнического — в зимние каникулы двадцать четвертого — двадцать пятого учебного года решили провести большую игру «Взятие Перекопа».

Готовились к ней долго. Мастерские в районном Доме пионеров называли «Арсенал». Тут сколачивали, вырезали, выпиливали и клеили «стрелковое и артиллерийское вооружение» образцов гражданской войны для всей армии «красных». За «красных» играл наш район.

Деревянные пулеметы и пушки мы поставили на лыжи. Пулеметчикам сделали трещотки, артиллеристов снабдили пиротехническими ракетами. Настоящими у нас были походная кухня и полевые телефоны. Их нам одолжили на игру в подшефной воинской части.

День игры выдался морозный. Снег сверкал под солнцем и скрипел под ногами. Дым из труб деревянных домиков, которых тогда в Москве было больше, чем каменных, поднимался прямо вверх. В Нескучном саду, где теперь Центральный парк культуры и отдыха, на горе укрепились «синие». Называться «белыми» пионеры Замоскворецкого района отказались категорически. По игре «красные» должны были, как в двадцатом году через Сиваш в обход к Перекопу, незаметно перейти по льду Москвы-реки в тыл «противника». Потом «красные» и с фронта и с тыла обрушатся на укрепления «синих» и возьмут «Перекоп».

Мы с другом Женькой Трусевичем дежурили у полевого

Почетный пионер С. М. Буденный.

телефона во второй ударной группе, атакующей в «лоб». Телефон находился в специальном снежном укрытии. От неподвижности у меня ноги мерзли даже в валенках.

— Скорее бы штурм. Погреться бы! — восклицал нетерпеливый Женька Трусевич.

Он поминутно вылезал из укрытия, бегал на дорогу.

— Ну, Лева, что слышно по телефону насчет сюрприза?

Дело в том, что вожатые «по секрету» сказали нам, что в этой игре нас ожидает очень большой сюрприз. А какой — говорить отказались.

Дежуря у телефона, я был в курсе всех событий. Наши «красные части» в белой маскировочной одежде благополучно пересекли реку и скрытно сосредоточились у Окружного моста. До штурма остались минуты. Рядом со мной встали сигнальщики с флажками. Я должен был принять по телефону приказ штаба и передать его им. Отряды лыжников и «пехота» в ожидании скрывались на откосах за расчищенной дорогой. Вдруг на дороге на вороном коне, как из сказки, появился товарищ Буденный. В папаше, с ромбами на рукавах шинели и красными шевронами на груди, он встал в стременах, выхватил свою боевую шашку и громко подал команду:

— Вперед! За власть Советов! В атаку ма-а-рш!

«Красные» помчались на штурм. Затрещали пулеметы «синих». «Артиллеристы» дали залп пиротехникой. Перед наступающими оказался глубокий овраг, засыпанный снегом. По телефону запросили:

— Как быть? Где обходить овраг?

Я передал донесение спешившемуся командарму Буденному.

— Пусть двигаются прямо через овраг, — приказал он. — Передайте пионерам изречение Суворова: «Там, где пройдет олень, там пройдет и солдат».

Скоро в укреплении «синих» грянуло «ура». «Красные» взяли «Перекоп». А еще через тридцать минут командарм товарищ Буденный принимал парад разгоряченных в игре пионеров. Проходя мимо него, мы без команды поворачивали головы направо, стараясь получше рассмотреть лицо с лихими усами. Конь под Буденным стоял как вкопанный.

У ДУБА В КЕМЕРИ

В Латвии уважаемым деревом считается дуб. Вот и в Кемери в парке стоит дуб, которому от рода шестьсот или семьсот лет.

Около этого дуба и произошла у меня интересная встреча.

На широкоплечего, рослого мужчину в морской форме я обратил внимание сразу по приезде в санаторий. Он выделялся среди отдыхающих. Прекрасно играл в волейбол. Его «гас» с левой признавался неотразимым. В теннис и бильярд он побеждал всех мужчин. На танцах считался лучшим партнером. Я даже немного завидовал его успехам. Хотя завидовать ему не стоило.

Правая рука у него была отрезана по локоть, но никому не приходило в голову жалеть его. Оживленный, в веселом окружении молодежи, он громко говорил и много смеялся.

Нас познакомили. Услышав мою фамилию, однорукий моряк неожиданно отдал левой рукой пионерский салют и воскликнул обрадованно:

— Здравствуй, товарищ звеньевой!

Я смотрел на него, не узнавая, и тогда он отрапортовал:

— Тысяча девятьсот двадцать шестой год. Газетчик. Петька. Кличка — Крепыш.

— Петька! Сколько зим, сколько лет!

— Тридцать три. Ровно тридцать три года, товарищ звеньевой.

Ну, кто бы узнал в подтянутом штурмане дальнего плавания чумазого Петьку с веснушками на носу?!

...Тридцать три года назад Петька продавал газеты на углу Тверской и Охотного ряда. Наш отряд часто шагал здесь мимо одноэтажных лавок. Мы про себя читали вывески: «Государственный магазин», «Кооператив», «Частная лавочка»... На звуки горна и барабана из лавки высунулся толсторожий хозяин-нэпман, в жилете с серебряной цепочкой по животу. Мы скандировали ему:

По-смо-три-те, как не-лепо:
На нас смо-трят рожа нэпа!

Нэпман поскорее захлопнул двери лавки.

На другой стороне улицы около Дома Союзов находилась белая церковь. Тут толпились нищие, калеки и бездомные старушки. Они указывали желтыми перстами на наши голые, загорелые за лето коленки и сердито плевались. Вышел долгогривый батюшка и что-то сказал старушкам. Те засмеялись...

— Раз... два... три... — скомандовал вожатый.

Мы запели озорную комсомольскую песню:

Не надо нам монахов,
Не надо нам попов,
Мы на небо залезем,
Разгоним всех богов!

Отряд направлялся к клубу. Каждое воскресенье здесь проходили отрядные сборы.

Страна Советов была еще бедна. В теплых асфальтовых котлах ночевали беспризорники. Немало детей совсем не учились в школах. Маленькие чистильщики сапог, газетчики, папиросницы от Моссельпрома зарабатывали на хлеб торговлей на улицах.

Нашему звену поручили работу среди мальчишек-газетчиков. Верховодил ими Петька-Крепыш. Он быстрее всех продавал газеты, выкрикивая выдуманные им самим невероятные сенсации. И, как выяснилось позже, не умел читать даже по складам.

Холодной осенью Петька ходил в старой женской каца-

Беспризорники в Москве в двадцатые годы.

вейке и в лихой буденовке на вихрастой голове. Отрядная поэтесса Тося Петрова сочинила про него стихи:

Хулиганит осенний ветер,
Крутит афиш ключья.
Любит ветер играть с Петей,
Ну, а Петя с ветром — не очень.

Слушая эти стихи, хотелось пожалеть бедного Петьку, замерзающего на холодной улице. Но тем, кто имел дело с Петькой, жалеть его не приходило в голову. Отчаянный и сильный не по летам, озорной, как чертенок, Петька срывал все наши мероприятия по работе среди газетчиков. Мы не могли уговорить их посещать кружок ликбеза. Сироты

отказывались от нашей помощи по устройству в детские дома. Никто из газетчиков не заходил к нам в пионерский клуб.

— Петька не велит,— на все приглашения отвечали огольцы.

Мне как звеньевому досталось «обработать» самого Петьку.

Ох и помучился я с ним! Просто чудом удалось мне однажды затащить Петьку в пионерскую комнату.

Комсомольская ячейка и наш пионерский отряд шефствовали над одним из кубриков линкора «Марат». В подарок подшефным мы строили большую модель корабля. Увидел эту модель Петька и... пропал! Погиб бесповоротно!

Оказывается, с ранних детских лет он мечтал о море. Ему очень хотелось познакомиться с настоящим моряком.

— Хочу написать письмо на «Марат», братцы... — говорил он.

А для этого надо было научиться писать. За зиму Петька прошел при нашем пионерском клубе кружок ликбеза.

В июне, когда отряд собирался выезжать в лагерь, Петька пришел к нам такой тихий и смущенный, каким мы его не видели ни разу.

— Пожалуйста, если можно, возьмите меня с собой. За харчи заплачу, не бойтесь. Мне, братцы, к сентябрю надо все предметы пройти за школу первой ступени.

— Летом отдыхать, а не учиться надо,— решительно заявила Галя Светлова.

— Мне очень надо, товарищи братцы... Грамотного меня, может, юнгой на «Марат» возьмут. Мне сам командир обещал. Я ведь ему письма пишу.

В лагерь Петьку мы взяли бесплатно. Все лето он отчаянно учился. От ретивого ученика теперь спасались бегством его учителя. Петька прибегал к хитрости.

Лагерный горнист Робка Поговский знал немного английский язык. Петька уговорил его заниматься английским со всем звеном.

— Понимаешь, мы идем в поход... — сообщил Петька. — Придем в соседний лагерь, как будто мы дети английских горняков, приехавшие в Советский Союз. Понимаешь, на

средства Межрабдома. (В тот год в Англии проходила всеобщая забастовка горняков, и рабочие всех стран помогали бастующим.)

— Но надо тогда всем хоть немного знать по-английски,— не разгадывая Петькиной хитрости, говорил простодушный Робка.

— Конечно. Вот ты и будешь обучать нас,— объяснил Петька.

Разумеется, самым ревностным учеником Робки был Петька. Он оказался очень способным.

Звено оделось в поход, как на маскарад, чтобы выглядеть по-заграничному.

В чужом лагере их встретили с почетом. Собрали торжественную линейку, накормили обедом. Никто в том лагере не знал по-английски. Наши пионеры могли говорить всякую тарабарщину и, давась от смеха, важно произносили всем знакомые слова:

— Олл райт... Гуд бай...

Только Робка с Петькой изредка перекидывались короткими английскими фразами.

...Осенью Петька уехал в Ленинград. На вокзале мы провожали его всем отрядом с горном и барабаном...

— Помнишь, звеньевой,— сказал мне у дуба в Кемери бывший Петька-Крепыш,— как вы уговаривали меня быть человеком. Вот я и стал им. Пионеры помогли.

„ДОЖДЕВОЙ ВАРИАНТ“

После смерти Ленина для нас, пионеров, не было человека дороже и ближе Н. К. Крупской. Она всегда находила время помочь пионерам, посоветовать, написать им письма...

— Однажды зимой, — рассказывал мой сверстник Коля Мышко, — ребята отправили меня делегатом в Наркомпрос попросить книг для нашей детской библиотеки на окраине города.

Всюду Мышко отказывали дать книги. Тогда он пошел к Н. К. Крупской.

«Вы сможете отвезти книги сейчас?» — спросила Надежда Константиновна.

Мышко пришел в Наркомпрос один, пешком. На извозчика денег у него, разумеется, не было. Но он, не задумываясь, ответил:

«Конечно, я заберу книги сейчас».

Надежда Константиновна распорядилась отобрать пионерам несколько связок книг.

Мышко снес тяжелые связки к подъезду. Выпросил под честное ленинское слово у дворника санки и на них через весь город доставил подарок Надежды Константиновны в свой отряд.

— Самое трудное было возвращаться с пустыми санками обратно и из центра города снова топать пешком — на трамвай ведь пятака тоже не было.

Но раз дал слово — выполняй.

А. М. Горький, Н. К. Крупская на Первом Всесоюзном пионерском слете в 1929 году.

...По пионерским делам я встретился с Надеждой Константиновной в 1929 году, во время подготовки к Всесоюзному пионерскому слету.

Секретарь Центрального штаба слета, мой бывший вожатый Виктор Усватов, поручил отнести в Наркомпрос документы.

— Постарайся лично передать товарищу Крупской, не забудь взять расписку, — напутствовал аккуратный, всегда подтянутый Усватов.

В приемной у кабинета Надежды Константиновны толпились люди. За столом очень прямо сидела рослая молодая женщина с серьезным лицом, похожая на директора школы. Все почему-то называли ее Верочкой. Оказывается,

так много лет звала своего секретаря Крупская. «Верочка» пропустила меня в кабинет.

Надежда Константиновна поднялась, поздоровалась, пригласила сесть. Она при мне начала смотреть календарный план слета и задавать вопросы:

— Делегаты будут размещаться по квартирам рабочих? Очень хорошо. Настоящая смычка поколений. Ну, а как рабочие семьи — охотно дают согласие?

— На все квартиры, где хотят иметь гостей, делегатов уже не хватает, — ответил я. — В завком приходят жаловаться рабочие. Один сталевар даже кулаком по столу стучал: «Безобразие! Почему меня делегатом обошли! Я не хуже других, ударник в цехе».

Надежда Константиновна, довольная, улыбается. Ободренный ее улыбкой, я рассказывал еще:

— Две домашние хозяйки, проживающие у Заставы Ильича, расплакались, когда узнали, что они останутся без пионеров.

Надежда Константиновна смотрела план дальше... Открытие на стадионе «Динамо»... Смычка с Красной Армией в «Октябрьских лагерях»... Спартакиада... Художественные выступления в Парке культуры...

— Ну, а если пойдет дождь? — вдруг спросила Надежда Константиновна. — Весь слет рассчитан на хорошую погоду.

Я смущенно молчал: про дожди в штабе пока не думали.

И вот за несколько дней до открытия слета, после доклада в Комиссии содействия (в эту комиссию входила и Н. К. Крупская), было получено задание — срочно готовить «дождевой вариант». Организовать подштаб. На каждый день слета предусмотреть, что, где, как проводить в ненастную погоду.

Подштабом «дождевой вариант» руководил заместитель начальника штаба, старый пионерский работник Антон Высоцкий. Он советовался с Надеждой Константиновной.

К счастью, все десять дней слета в Москве стояла хорошая погода. Дожди пошли при разъезде делегатов по домам.

Но вопрос Надежды Константиновны я запомнил хорошо и всегда, составляя планы на лето, думал и о «дождевом варианте».

„МОСКВА В ПЛЕНУ“

В августе 1929 года в Москве проходил Всесоюзный слет пионеров. Съехались шесть тысяч делегатов, со всех мест страны. На слете было много интересного. Десять дней все лучшее, чем располагала тогда Москва, было предоставлено в полное распоряжение пионеров. На всех московских стадионах, водных станциях и стрельбищах проходили пионерские соревнования; целую неделю вход в московские театры и цирк разрешался только ребятам в красных галстуках...

«Москва в плену» — так шутливо назвал свой очерк о пионерском слете в газете «Правда» писатель Н. Погодин.

Принимал участие в слете и я.

...Мне тогда исполнилось 18 лет. Я был мобилизован для работы в Центральный штаб слета. Начальником штаба была член ЦК комсомола Нюра Северьянова, работница-ткачиха, на два года старше меня. На вид хрупкая девушка, впервые выбранная в ЦК, Нюра уверенно командовала штабом.

— Будешь отвечать за приезд и отъезд делегаций. Все вокзалы подчиняются тебе. Ясно? — по-военному кратко приказала мне Северьянова.

Мне было ясно и страшно. На девять московских вокзалов специальными поездами и вагонами будут прибывать три дня делегаты республик, краев и областей, 6000 пионеров! Их надо торжественно встретить, накормить в ресторане, отправить на специальных трамваях (автобусов в Моск-

ве тогда было очень мало, и все перевозки делегатов слета проводились на трамваях) в баню, и чтобы никто не отстал, не потерялся в дороге... «По баням» был специальный товарищ. У меня и так хватало забот...

Увязать в НКПСе расписания, организовать через райкомы рабочих для встречи, вызвать оркестры, проверить подготовку вокзалов, их украшение... А будут ли меня слушать там? Ведь я еще толком даже не бреюсь. Но за мной стоит штаб, ЦК комсомола. ЦК ВКП(б) направляет всю подготовку к слету.

Председатель Комиссии содействия Михаил Иванович Калинин умеет тактично (пусть комсомольцы думают, что они сами с усами) вовремя вмешаться, решить любой вопрос.

Я поехал по вокзалам на старом «фордике», таком же, как показанный в фильме «Чапаев» (легковые машины тогда еще были сравнительно редки в Москве). «Куда сначала идти — к начальнику вокзала или к коменданту?» — думал я по пути, сжимая в руке мандат штаба.

Бравый военный ждал меня у подъезда: «Докладывает комендант Павелецкого вокзала такой-то...»

Мы пошли по «объекту» — комендант, начальник вокзала и я впереди, а за нами небольшая «свита»: директор ресторана, санитарный врач, представители общественных организаций — те, кто будет встречать делегацию, и... капельмейстер оркестра.

— Будет исполнено... Есть... Как прикажете... — на мои указания отвечал комендант.

Мне некогда было даже смутиться. Надо успеть за день объехать еще восемь вокзалов.

Трое суток приезда делегатов я провел без сна в штабе у телефонов. Держал связь со всеми дорогами. На вокзалах все было в порядке. Специальные поезда на вокзалах встречали торжественно, с оркестром, знаменами.

— Встреча делегатов прошла организованно, — отметила Северьянова на ночном заседании Центрального штаба слета. — До отъезда делегаций из Москвы у тебя мало дела. Будешь комендантом пионерской конференции в Кремле...

Идут делегаты Первого Всесоюзного пионерского слета.

...И вот я в Кремле. С комендантом Кремля — старым большевиком товарищем Петерсоном — обходим дворец.

— Все будет сделано, как указывает штаб слета, — с серьезным лицом говорит Петерсон. Ровесник моему отцу, он внимательно слушает нас, комсомольцев, которым партия доверила провести пионерский слет.

Первый раз заседали тогда пионеры в Кремле. Они степенно подходили к Боровицким воротам, важно предъявляли мандаты и, не выдержав, веселыми стайками бежали к дворцу. Точно на птичьем базаре, слышался гомон ребят во

дворце. Зал заседаний тогда еще называли Андреевским. Начиналось заседание, в зале становилось тихо.

Председателями на конференции были пионеры — члены президиума — по очереди. Выступали тоже пионеры. Для некоторых трибуна оказалась высокой. Комендант Кремля Петерсон предусмотрительно поставил к трибуне скамейку. Первый оратор скамеечкой не воспользовался. Он оказался рослым парнем.

— Пионеров теперь два миллиона, а неорганизованных ребят двадцать восемь миллионов. На одного пионера — четырнадцать непионеров. Надо увеличить пионерские ряды — это раз, — словно забивая гвозди, молотил, размахивая большой рукой, выступающий. В руке он зажал алую бескозырку с надписью «Москва» — форму делегатов столицы. — Половина ребят не учится в школе. Надо, чтобы все дети учились, — это два. Мы должны помогать выполнять пятилетку — это три. Драться с кулаками за колхозы, увеличить урожай — четыре...

После речи своего товарища делегация Москвы дружно поднялась и скандировала наказы пионерского слета:

Смена смене идет.

С малых лет мы за Совет.

Пионер — разведчик наших богатств.

Старину с полей прогоним — коллективом заживем.

На трибуну поднялся маленький белобрысый паренек с хохолком, как у петушка.

— Второгодничество дорого обходится государству! — во весь голос воскликнул паренек с хохолком. — Пора сказать так: «Второгодники! Довольно вам питаться фабриками и заводами! Это не хлеб с маслом».

Очень важные государственные вопросы обсуждали пионеры на конференции...

— Совсем как взрослые, не рано ли? — услышал я, как тихо спросила у сидевшего в президиуме Г. М. Кржижановского Надежда Константиновна Крупская.

— Когда я связался с революционерами, мне тоже было пятнадцать лет, — напомнил Глеб Максимилианович.

На Первый Всесоюзный пионерский слет в Москву приехали и пионеры из зарубежных стран.

Пионеры из разных стран в дни слета чувствовали себя в Москве лучше, чем дома. На стадионе «Динамо» американский пионер негр Шелли произнес небольшую речь:

— Очень плохо живется маленьким черным в большой белой Америке. Никогда я не чувствовал себя так хорошо и вольно, как сейчас в Красной Москве.

Очень удивились иностранные гости, что целый день на слете отвели встречам пионеров с руководителями учреждений и организаций.

— Министр будет тратить служебное время на разговоры с детьми — это невозможно! — говорили маленькие немцы.

В ВСНХ пионеров принимал В. В. Куйбышев. В РКИ с ними беседовал Серго Орджоникидзе. В НКПС — нарком Рудзутак. На встрече с «Совкино» делегатам обещали выпускать больше кинофильмов для детей. В ВЦСПС ребята заключили письменный договор: пионеры обязались вдвое увеличить свои ряды, профсоюзы — втрое больше построить детских клубов.

В один из вечеров группу делегатов слета — корреспондентов «Пионерской правды» — вместе с иностранными пионерами пригласили в редакцию газеты «Правда». Встретил нас редактор — старый большевик Емельян Ярославский.

— В этом здании, — сказал он, — помещаются три «Правды»: пионерская, комсомольская и партийная. Но у нас всех одна правда — большевистская. Мы верим, что эта правда победит во всем мире.

Тогда во всех странах, кроме нашей, власть была у буржуев и помещиков. Многими народами правили императоры, короли, цари и князья. Народы Африки, Азии и Латинской Америки жестоко угнетались империалистами-колонизаторами.

Пионеры разных стран рассказывали о своей борьбе.

— Рот Фронт! Рот Фронт! — кричали, подняв кулаки, пионеры разных стран после выступления немецких пионеров.

— Мы должны освободить американского пионера Гарри Айзмана. Он участвовал в антивоенной демонстрации, и его посадили в тюрьму,— говорила английская пионерка.

Поднялся китайский пионер. Мы звали его Сеня, подружески переделав трудное китайское имя на простое русское. В 1929 году китайские контрреволюционеры спровоцировали военные действия на Китайско-восточной железной дороге.

— Первый степенный вопрос,— на ломаном русском языке сказал китайский пионер,— защищать Советский Союз! Моя правильно сказала?

Долго беседовали мы в тот вечер в редакции «Правда» и много горького узнали о тяжелой доле детей рабочих и крестьян во всех странах света...

После этой встречи прошло немногим больше сорока лет. Сколько мечтаний пионеров тех лет уже осуществилось! С бывшим американским пионером Гарри Айзманом, который в 1929 году сидел в тюрьме за то, что вывесил красный флаг на здании школы, я встретился в одном из пионерских отрядов Москвы. Он был освобожден из тюрьмы благодаря мощному движению протестов пионеров разных стран. Он стал инженером, живет в Советском Союзе, работает в Доме дружбы.

Недавно я был в Артеке. Приехал оттуда с пионерскими значками разных стран: румынскими, чехословацкими, болгарскими, польскими, немецкими... А все эти страны в дни первого пионерского слета были капиталистическими, в некоторых из них у власти стояли фашисты.

ПУТЕШЕСТВИЕ В БУДУЩЕЕ

Первая пионерская конференция в Кремле продолжалась три дня. На второй день штаб поручил мне встретить у входа во дворец старого большевика, ученого Глеба Максимилиановича Кржижановского.

— Глебу Максимилиановичу под шестьдесят. Может, его на лестнице поддержать надо? — сказала мне Северьянова.

Кржижановского я не видел ни разу.

«Вдруг я его не узнаю?» — думал я, дежуря у подъезда. К дворцу спешили делегаты.

У Боровицких ворот роились и жужжали, как пчелы, пионеры. Среди них затерялась невысокая фигура пожилого сухонького мужчины с большим лбом.

— Наша смена не идет, а бежит, — пошутил он, пропуская вперед ребят.

Из-под густых, как усы, бровей лукаво смотрели огромные темные глаза.

— Вы не товарищ Кржижановский? — спросил я.

— Да, я Кржижановский. Что вам угодно, юный товарищ?

— Помочь вам по лестнице подняться? — вспомнив наказ Северьяновой, брякнул я.

Старый большевик рассмеялся. В моей помощи он совершенно не нуждался. Я за ним еле успевал.

Легко, словно юноша, взбежал Глеб Максимилианович на трибуну, как только пионер, председатель конференции, объявил:

— Слово для доклада о первой пятилетке предоставляется председателю Госплана товарищу Кржижановскому.

«Как здорово,— подумал я,— не так давно Кржижановский докладывал о пятилетке съезду Советов, а сейчас пионерам!»

К Глебу Максимилиановичу подошли два делегата и повязали ему традиционный галстук почетного пионера.

— Очевидно, принимая меня в пионеры, вы намекаете,— проговорил Кржижановский шутливо,— что я в таком возрасте, когда скоро могу впасть в детство.

Делегаты дружно рассмеялись. А Глеб Максимилианович уже серьезно продолжал:

— Делу время, потехе час. Владимир Ильич очень любил шутку. Он умел смеяться, как никто. Но мы, близкие ему люди, не знали другого человека, обладающего таким же гигантским трудолюбием. А знаете ли вы, юные товарищи, что больше всего любил делать Ленин?..

Кржижановский, опираясь руками на кафедру, лукаво посмотрел в зал и, не дожидаясь оттуда реплики, ответил сам на вопрос:

— Ленин любил мечтать. Да, мечтать. Очень любил мечтать. И не только мечтать, но и осуществлять свои мечты. В двадцатом году, когда в нашей стране были разруха, холод, голод, еще шла гражданская война, Владимир Ильич поручил мне собрать лучших ученых и инженеров и составить план электрификации России. Это была очень смелая мечта. Английский писатель, автор фантастических романов, Уэллс не верил в возможность ее осуществления и называл Ленина «кремлевским мечтателем». Недруги большевиков называли план ГОЭЛРО не планом электрификации, а планом электрофикции. А большевики этот план Ленина выполнили...

Так говорил Кржижановский.

Пионеры слушали его внимательно. Глеб Максимилианович заговорил о пятилетке. В зале стояла тишина.

Конечно, первый пятилетний план по нынешним масштабам может показаться скромным, но тогда... Тогда это было грандиозно. И многим казалось невероятным.

Ведь наша страна по выпуску промышленной продук-

ции занимала одно из последних мест в Европе. У нас ездили на телегах, в Европе и Америке — на автомобилях. У нас пахали еще сохой, а за границей — на тракторах. За школьными партами у нас в стране сидела только половина детей. Половина ребят не училась совсем или бросала ходить в школу с первых классов. Страна начинала строить социализм в трудных условиях. Капиталисты угрожали нам войной. В деревне кулаки поджигали колхозное добро, убивали селькоров и колхозных активистов.

И вот нашу отсталую страну в короткий срок большевики решили превратить в передовое государство высокой техники и культуры.

«Догнать и перегнать», — призывали коммунисты народ.

— Давайте отправимся путешествовать в будущее, — предложил Кржижановский пионерам и, как в чудесную сказку, перенес нас в Советскую страну к концу пятилетки. — Там, где была Запорожская Сечь, поднимется плотина Днепрогэса. В бывшем захолустном городе Царицыне работает тракторный завод. Безводные степи Казахстана прорежет железная дорога Турксиб. По Беломорскому каналу пойдут суда. На востоке новые гиганты металлургии — Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты — будут давать чугуна и стали больше, чем прежде вся Россия. Раньше Москву называли ситцевой, к концу пятилетки ее будут звать Москвой металлической.

О колхозах в деревне, о новых школах, об отечественных автомобилях и самолетах, о радио в каждом доме говорил Кржижановский в докладе. Он получил много записок с вопросами.

— Мне хватило бы отвечать на них до утра, — пошутил докладчик. — Но не бойтесь — не буду. Отвечу только на один вопрос. Один юный товарищ боится, что, когда он станет взрослым, все главное будет построено и на его долю мало что останется. Не волнуйтесь, юный товарищ, до коммунизма надо выполнить не одну пятилетку. И чем дальше, тем интереснее будут задачи. Признаюсь, я бы очень хотел поменяться с вами годами...

На пионерском слете был принят наказ, который обязывал каждого из нас быть верным помощником партии и

Ученый-большевик, друг и соратник В. И. Ленина — Г. М. Кржижановский.

комсомола. Мы стали не только слушателями рассказов о пятилетке, но и активными ее участниками.

Много, много лет спустя во Дворце культуры завода «Серп и молот» мы смотрели кинохронику начала 30-х годов. Кадры показывали поход подшефного пионерского отряда в цехи завода.

На экране по тревоге из дворов выбежали пионеры. На ходу построились в ряды. Вошли в проходную и ручейками растеклись по заводским корпусам. Они пришли на завод по тревоге, потому что их родители не выполнили план второго года пятилетки.

«Отчего ты не ударник, отец?» — спрашивал большеголовый парень с веснушками у пожилого литейщика.

«Мне стыдно, что твое имя на черной доске!» — обратилась девочка к смущенному папаше.

Пионеры просили родителей работать по-ударному. Они собирали от них рационализаторские предложения, украшали цветами помещения, в обеденный перерыв выступали с пионерской самодельностью.

Прошла первая, за ней вторая пятилетка. Страна стала краше, богаче.

Если до первой пятилетки на нашем заводе «Серп и молот» выпускали простое железо, гвозди и болты, то к середине 30-х годов из нашей стали изготавливались уже самолеты «АНТ-25», на которых Чкалов и Громов впервые в мире перелетели через Северный полюс в Америку.

И в Нью-Йорке,
И в Париже,
И на полюсе, и ближе —
Он повсюду побывал,
Наш прославленный металл, —

пели тогда заводские пионеры.

После войны я снова вернулся на свой завод и поселился в одном доме с Г. М. Кржижановским. Ему было уже лет восемьдесят. Он поседел, но остался таким же подвижным и полным энергии.

Всякий раз, когда мы заходили к нему, он увлекал нас своим любимым путешествием в будущее. Однажды в гости к ученому приехали пионеры из села Царевщина под Куйбышевом. В этом селе на Волге пятнадцатилетний гимназист Кржижановский начинал свою революционную работу. Пионеры привезли своему земляку альбом с видами Куйбышевской области после пуска Волжской ГЭС.

— Хорошо преобразовались наши места. Замечательно! — воскликнул Кржижановский.

— Глеб Максимилианович, а что нам останется преобразовывать? — спросила девочка с двумя косичками.

Кржижановский быстро вскинул голову, прищурился, как бы вглядываясь во что-то, потом улыбнулся и вдруг, посмотрев на меня, спросил:

— Помните, такой же вопрос задали мне на пионерском слете? Ну-ка, сколько лет тому назад? Ага, двадцать семь!

Ученый встал, погладил белую головку девочки и, прой-

дясь по кабинету, остановился под большим портретом Ленина.

— Планы великих работ были и будут всегда,— сказал он.— Помню, только кончилась гражданская война, а империалисты уже стали готовиться к новой войне против нас. И вот Владимир Ильич спросил меня: «Какой план больших работ большевики могут предложить на мировой конференции вместо расходов на войны?»

Мы долго говорили с ним, внимательно обсуждая свои мысли, и вот в 1922 году на Всемирной конференции в Женеве, куда впервые пригласили большевиков, по поручению Ленина Чичерин предложил проект постройки дорожной магистрали Лондон—Москва—Пекин. Буржуазия не согласилась тогда принять мирное предложение большевиков.

Но настанет время,— продолжал Кржижановский, обращаясь к девочке,— когда и ты и твои товарищи будете ее строить. А сколько еще непчатых дел ожидает вас! — говорил он, расхаживая по кабинету, где когда-то докладывал Ильичу наброски плана ГОЭЛРО.— Постройка плотины в Средиземном море у Танжера отвоюет земли, равные по величине Франции, Италии и Испании. Могучее течение в проливе Дарданеллы — прекрасное место для строительства сверхмощной гидроэлектростанции. Если закрыть доступ холодного течения через Берингов пролив, Дальний Восток станет цветущим берегом, как Калифорния. Сейчас,— все больше увлекаясь, говорил ученый своим маленьким друзьям,— полноводные реки Сибири текут в холодный Ледовитый океан, а если повернуть часть воды в Каспийское море и оросить оренбургские, алтайские и среднеазиатские степи, построить каскад электростанций, представляете, как изменится жизнь юго-востока страны?..

Как-то я рассказал Глебу Максимилиановичу о работе пионеров по озеленению заводских цехов, о том, как они помогают больным, ухаживают за малышами, родители которых на работе...

— Продолжайте, продолжайте,— попросил он.— Дела пионерские волнуют меня. Если дети ставят интересы общества выше своих личных, значит, растут настоящими ленинцами.

НАШ ВОЖАТЫЙ ТОВАРИЩ МАЯКОВСКИЙ

Маяковский любил детей и охотно писал для них. «Пионерская правда» считала его собственным корреспондентом. Но поэт не был «сладеньким дядей», как «добренькие» господа-буржуи из дореволюционных рождественских рассказов, сюсюкающие около голодных малюток: «Тютелька-мютелька, вот тебе конфеточка».

Как поэт революции, дядя Володя ненавидел толстых барчуков-лоботрясов и был всегда готов своими «ручищами» и «голосищем» помогать детям рабочих и крестьян.

Нам, пионерам, он написал в 1926 году:

Кличет книжечка моя:

— Дети,
будьте как маяк!..

Здорово помогал нам товарищ Маяковский в пионерской работе. Удивительно, как у него хватало времени писать про все? Весной двадцать седьмого года мы проводили День птиц. «Пионерская правда» напечатала стихи: «Мы вас ждем, товарищ птица, отчего вам не летится?»

Стихи Маяковского мы читали в газете, песни его разучивали на сборах, с маршами поэта выступала живая газета. А слышать и видеть самого Маяковского не приходилось. Ведь тогда радиотрансляции и телевидения еще не существовало. Достать же билет на выступления Маяковского было почти невозможно.

И вот осенним утром 1927 года отец, уходя на работу, подозвал меня:

— Прислали билет в Политехнический музей на вечер Маяковского. В шесть часов. Он будет читать новую поэму «Хорошо!», написанную к десятилетию Октября. Хочешь, возьми билет.

Я чуть не заплакал.

— У меня сегодня сбор звеньев. Тоже в шесть часов. Очень важно. Комсомольское поручение. Оба вожатых отрядов, Витя Усватов и Витя Бондаренко, сегодня уехали из города.

— Смотри сам, что важнее,— сказал отец.

Как быть? В экстренных случаях звенья собирались по «цепочке». По-моему, случай экстренный. В наш клуб, расположенный недалеко от Политехнического музея, пионеры по «цепочке» собрались на час раньше, хотя жили в разных районах.

— Отряд, становись! Смирно! По порядку номеров расчитайсь!.. Вольно! — командовал я как дежурный помощник вожатого. — Ребята, решайте, что важнее. Как скажете, так и будет. У меня есть билет на вечер Маяковского. Остаться мне с вами на сборе или...

— На Маяковского!.. На Маяковского!.. — дружно закричали ребята.

Я бегом помчался к музею вдоль несуществующей теперь Китайгородской стены. С трудом протискался у входа через толпу безбилетников. Зал переполнен до отказа. Сидели на ступеньках, стояли в дверях.

Маяковский, коротко остриженный, шагнул на сцену, решительно подтягивая рукава. Как мне показалось, он готовился к драке. И ему действительно на этом вечере пришлось бороться с противниками. Кто-то фальцетом выкрикивал обидные реплики, сыпались ехидные записки. Плюгавенький, лысый человечек прыгнул на сцену и записал:

— Маяковский, не забывайте: от великого до смешного один шаг.

Маяковский поднялся со стула и, сделав один огромный шаг, встал рядом с ним. Потолок большой аудитории чуть не обвалился от хохота людей. «От великого до смешного один шаг», — хором повторил зал.

Наш вожатый товарищ Маяковский.

Очень шумели в зале, пока Маяковский разил своих противников в ответах на записки.

— Теперь начинаю читать поэму,— гаркнул он.

В зале сразу стало тихо, как зимой в лесу. Все слушали его затаив дыхание. Впервые я узнал, что в поэме «Хорошо!» Маяковский в строчках о взятии Зимнего дворца упоминает имя отца

До рассвета
осталось
не больше аршина,—
Руки
лучей
с востока взмолены.
Товарищ Подвойский
сел в машину,
сказал устало:
«Кончено...
в Смольный».

Я сразу запомнил строфу и дома продекламировал ее.

— Папа, ты что-нибудь можешь рассказать про эти строки? — спросил я.

У отца стали хитрые глаза, и он усмехнулся в усы.

— Могу немножко. Маяковский приезжал ко мне. Расспрашивал, как готовилась и совершилась Октябрьская революция в Петрограде. Я ему рассказал, как после взятия Зимнего дворца с двумя винтовками — одну я взял из Военно-революционного комитета, другую отобрал у какого-то юнкера — приехал в Смольный на доклад к Ильичу. Владимир Ильич сидел за столом и писал. Мне не хотелось ему мешать. Я подошел и тихо сказал: «Кончено». Ленин вскинул на меня удивленные глаза: «Как это кончено?! Теперь только все начинается, батенька».

О вечере Маяковского и об ответе отца дома я рассказал на пионерском сборе. Мы в отряде, как в семье, делились всем, что узнавали интересного.

Через год клуб, где собирался наш отряд, переехал в здание ГУМа на второй этаж. По приглашению партийки сюда приезжал Маяковский.

— Мой долг дать отчет о своей работе партийцам,— говорил поэт.— Хотя я считаюсь беспартийным.

В клубе он читал свою новую пьесу «Баня», направленную против бюрократов и тех, кого ни в коем случае нельзя брать в коммунизм.

Все, кто слышал Маяковского, знают, как мастерски он читал свои произведения — лучше любого актера. В небольшом клубе было тесно его могучему голосу, клеймящему бюрократов, голос рвался из зала на площадь...

Я сидел вместе со старшими пионерами и записывал в блокнот вожатого искрометные фразы Маяковского.

— Черты, роднящие с коллективом коммуны,— гремел голос поэта,— радость работать, жажда жертвовать, неутомимость изобретать, выгода отдавать, гордость человечностью!

Так Маяковский за тридцать лет до появления первых бригад коммунистического труда угадал их заповеди. Прививать коммунистические черты в пионерских характерах помогал нам, вожатым, большой авторитет Маяковского среди пионеров. Когда Москва готовилась к Всесоюзному пионерскому слету, во всех районах проходили семинары.

— Будет ли на слете почетный вожатый товарищ Маяковский? — спросил один вожатый с Красной Пресни.

Ответить было трудно.

В дни подготовки к слету Маяковский отдыхал на юге. Не приехал он и к открытию слета. Кто-то иронизировал:

— Беспартийного поэта в порядке партдисциплины в Москву не вызовешь.

Но разве мог Маяковский не вызвать сам себя на слет пионеров! Он приехал и привез подарок не одному пионерскому поколению.

Закрытие слета проходило вечером 25 августа на стадионе «Динамо». Маяковский, высокий, как маяк, с серой кепкой в руке, легко перешагивал через натянутые там и сям канаты.

— Вход тут запрещен! — останавливали его милиционеры.

— Я должен видеть все. Я — газетчик! — оглушал своим басом милиционеров поэт.

На всю жизнь мы, участники слета, запомнили, как при свете прожекторов Маяковский читал нам на стадионе свои знаменитые стихи:

За море синеволное,
за сто земель
 и вод
разлейся, песня-молния,
про пионерский слет...
.
Веди
 светло и прямо
к работе
 и к боям,
моя
 большая мама —
республика моя.
.
Вперед,
 отряды сжатые,
по ленинской тропе!
У нас
 один вожатый —
товарищ ВКП.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие М. Прилежаевой</i>	5
«Детей надо вперед!»	7
Не тронь—огонь!	14
Москва шоколадная	20
Торжественное обещание	24
Смычка с солнцем	27
Пионерская тачанка	30
С нами играл Буденный	36
У дуба в Кемери	39
«Дождевой вариант»	44
«Москва в плену»	47
Путешествие в будущее	53
Наш вожатый товарищ Маяковский	59

*На фронтисписе — фотография: выступление В. И. Ленина
7 ноября 1918 года на Красной площади.*

Для среднего возраста

Подвойский Лев Николаевич

ПИОНЕРСКИЕ БЫЛИ

Ответственный редактор *Н. С. Абрамова*. Художественный редактор
С. И. Нижняя. Технический редактор *Г. Б. Лазарева*. Корректор
В. Е. Калинина.

Сдано в набор 11/II 1972 г. Подписано к печати 9/II 1972 г. Формат 70×90^{1/4}.
Печ. л. 4. Усл. печ. л. 4,68. (Уч.-изд. л. 3,62). Тираж 100 000 экз. ТП 1972
№ 330. А07653. Цена 15 коп. на бум. № 1. Ордена Трудового Красного Зна-
мени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР. Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглав-
полиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва,
Суцешский вал, 49. Заказ № 3634.

